С. В. ТРОИЦКІЙ.

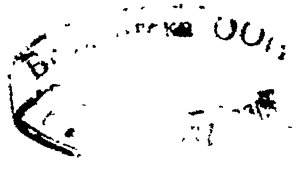
ЦЕРКОВНЫЙ СОБОРЪ

И

МІРЯНЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій, 8.
1905.

Извлечено изъ журнала «Церковный Вѣстникъ», 1905 г.

395
37

Церковный соборъ и міряне.

Вопросъ о составѣ будущаго собора есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію при подготовительной работѣ къ собору. Поднимается этотъ вопросъ довольно рѣдко и рѣшеніе его для нѣкоторыхъ кажется очевиднымъ: соборъ будетъ состоять изъ епископовъ русской Церкви и, быть можетъ, нѣсколькихъ архимандритовъ и протоіереевъ; міряне же на него не будутъ допущены. Но такое рѣшеніе вопроса, не соотвѣтствуя ни духу христіанства, ни древней канонической практикѣ, ни требованіямъ жизни, лишило бы соборъ значительной доли нравственнаго авторитета, нравственнаго вліянія на общество и не привело бы къ ожидаемому отъ собора обновленію церковной жизни. Соборъ епископовъ русской Церкви не будетъ соборомъ русской Церкви. Онъ объединитъ и оживитъ только іерархію, но ни народныя распри, ни существующее раздѣленіе между міранами и іерархіей отъ этого не уменьшатся. Это будетъ коллегія іерарховъ-епископовъ, гдѣ-нибудь при закрытыхъ дверяхъ разсматривающая и рѣшающая церковные вопросы, столь же непонятная и чуждая народу, какъ чуждъ и непонятенъ ему Св. Синодъ.

Всякое разобщеніе между членами тѣла непремѣнно ведетъ къ ослабленію и даже къ прекращенію жизни тѣла. Поэтому сила и крѣпость Церкви, тѣла Христова, зависитъ отъ живого непосредственнаго общенія между всѣми ея членами. Главная причина подавленности, слабости, можно сказать, окаменѣлости нашей церковной жизни лежитъ въ разобщенности не только отдѣльныхъ

членовъ іерархіи и народа между собою, но и въ разобщенности іерархіи, какъ цѣлаго, отъ мірянъ. Іерархія у насъ носитъ характеръ особой, чуждой народу организаціи съ особыми, иногда противоположными интересамъ народа, интересами. Соборъ, состоящій изъ однихъ епископовъ, только санкціонировалъ бы самымъ фактомъ такое положеніе вещей, и это въ то время своего созванія, когда организація враждебныхъ Церкви силъ поражаетъ своею стройностью и сплоченностью. «Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое,—говоритъ Глава Церкви. —тамъ Я посреди нихъ» (Мѳ. 18, 20). Христосъ обѣщаетъ вѣрующимъ пребывать среди нихъ только тогда, когда они собраны во имя Его, такъ какъ только тогда они составляютъ Церковь (Мѳ. 18, 17, ср. Дѣян. 1, 4 по русск. тексту). Собранность, соборность есть, такимъ образомъ, существенный признакъ Церкви. Христосъ не опредѣляетъ, кто долженъ составлять этотъ соборъ, эту Церковь. Онъ требуетъ лишь, чтобы двое или трое собрались во имя Его, и слѣдовательно, право участвовать въ этомъ соборѣ имѣетъ всякій, носящій имя Христово, всякій христіанинъ. И въ апостольской Церкви различіе положенія мірянъ и клира не вело къ раздѣленію ихъ, не вело къ нарушенію принципа соборности.

Здѣсь не было ни господства мірянъ, ни господства клира. Не было господства мірянъ, такъ какъ не воля большинства мірянъ была послѣдней санкціей для клира. Не было господства клира, такъ какъ члены клира были не начальниками надъ подчиненными, а свыше назначенными руководителями братской Христовой общины. Жизнь и дѣйствія Церкви были жизнью и дѣйствіями всей общины. Іерархія дѣйствовала вмѣстѣ съ мірянами, а не вмѣсто нихъ, міряне дѣйствовали вмѣстѣ съ іерархіей, а не исполняли лишь ея волю. Хотя «иныхъ Богъ поставилъ въ Церкви во-первыхъ апостолами, во-вторыхъ пророками, въ-третьихъ учителями» (1 Кор. 12, 28), но «въ тѣлѣ (Церкви) не было раздѣленія и всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ» (25), такъ какъ данный всей Церкви «Духъ есть одинъ и тотъ же» (4). Поэтому апостольскія посланія адресуются всѣмъ братьямъ, а не лицамъ іерархическимъ. И міряне и клиръ вмѣстѣ,

соборне совершаютъ богослуженіе, рѣшаютъ вопросы вѣры, составляютъ церковный судъ, избираютъ и низлагаютъ чиновъ клира. На самыхъ частыхъ и обычныхъ видахъ соборовъ—на собраніяхъ или соборахъ богослужебныхъ—міряне не слушаютъ лишь богослуженіе, а и самымъ дѣломъ участвуютъ въ нихъ. Литургія совершается на общія приношенія, поютъ и отвѣчаютъ на возгласы предстоятеля не выдѣленные изъ народа чтецы и пѣвцы, а весь народъ.

Вопросы вѣры рѣшаются на апостольскомъ соборѣ, служившемъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ соборовъ, и здѣсь опять іерархія дѣйствуетъ вмѣстѣ съ мірянами. Здѣсь собрались не одни «апостолы и пресвитеры» (Дѣян. 15, 6), но «вся Церковь (22), вся братія» (23). Въ 15 главѣ книги Дѣяній Апостольскихъ приведены лишь рѣчи апостоловъ Петра и Іакова и упомянуто про рѣчи Павла и Варнавы (12). Но они стали говорить уже «по долгомъ разсужденіи» (7). Это «долгое разсужденіе» велось не одними апостолами и пресвитерами. Когда въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ говорится про «все собраніе», то апостолы сюда не включаются (Дѣян. 6, 2, 5. ср. 15, 23), и слѣдовательно, если дѣйствіе рѣчи ап. Петра состояло въ томъ, что «умолкло все собраніе» (Дѣян. 15, 12), то ясно, что предшествующее «долгое разсужденіе», велось пресвитерами и мірянами. Поэтому-то и посланіе собора отправляется отъ лица «апостоловъ, пресвитеровъ и братій» (23). Имѣли ли міряне рѣшающій или только совѣщательный голосъ,—вопросъ этотъ здѣсь неумѣстенъ, такъ какъ такого различія здѣсь не было, что видно изъ отсутствія всякаго намека на подсчетъ голосовъ. Апостолъ Іаковъ сдѣлалъ заключеніе разсужденій, которое и было принято соборомъ, какъ цѣлымъ, и отправлено ко множеству (πλῆθος Дѣян. 15, 30) братіи (32) въ Антіохію.

Тотъ же принципъ не исключающей и мірянъ соборности проявляется въ разсказѣ о крещеніи сотника Корнилія. Когда обрѣзанные упрекали апостола Петра за общеніе съ не обрѣзанными (Дѣян. 11, 2), онъ отражаетъ ихъ нападеніе не указаніемъ на свой авторитетъ, а успѣшной попыткой оправдать себя предъ общимъ разумомъ общины

изложеніемъ дѣла и доказательствами. Только уже «выслушавши это, они успокоились и прославили Бога» (18).

Соборы для выбора іерархическихъ лицъ также составлялись при участіи мірянъ. Апостолъ Петръ обращается съ предложеніемъ выбрать апостола на мѣсто Іуды ко всему собранію христіанъ изъ ста двадцати человѣкъ (Дѣян. 1, 15), и все собраніе выбираетъ двухъ кандидатовъ и изъ этихъ двухъ выбираетъ апостола Матѳія жребіемъ (23—26). Подобнымъ же образомъ происходитъ и выборъ семи діаконовъ. «Двѣнадцать апостоловъ созываютъ множество учениковъ» (6, 2) и предлагаютъ имъ «выбрать изъ среды себя семь человѣкъ» (3). Такъ какъ «это предложеніе было угодно всему собранію», то выбираются собраніемъ семь лицъ (5) и поставляются предъ апостолами, которые возлагаютъ на нихъ руки (6). Древнѣйшіе памятники христіанской письменности доказываютъ, что эти два случая служили образцами для всѣхъ выборовъ іерархическихъ лицъ.

Въ 44 главѣ посланія Климента Римскаго къ коринѳянамъ согласіе всей Церкви является необходимымъ элементомъ въ поставленіи пресвитера Въ «Ученіи двѣнадцати апостоловъ» говорится: «назначайте сами себѣ епископовъ и діаконовъ» (15). Евсевій говоритъ, что Симеонъ былъ выбранъ преемникомъ св. Іакову въ Іерусалимѣ «всѣми единогласно» (Церк. Ист. III, 11). Замѣчательно, что въ VIII книгѣ Апостольскихъ Постановленій (гл. 4), приписываемой св. Ипполиту Римскому (начало III вѣка), одобрительныя восклицанія народа (ἄξιος) являются условіемъ посвященія епископа и предшествуютъ ему, между тѣмъ какъ въ немного болѣе поздней арабской передѣлкѣ этой книги—въ такъ называемыхъ «Канонахъ св. Ипполита» (см. Gebhardt und Harnack, Texte und Untersuchungen 17, 2, стр. 39)—эти восклицанія уже слѣдуютъ за посвященіемъ епископа, какъ и въ современномъ чинѣ епископскаго посвященія. Св. Кипріанъ Карѳагенскій говоритъ, что «populi assistentis conscientia» есть требованіе апостольскаго преданія (Письмо 67, 4, ed. Hartel, ср. его выраженія: post divinum judicium, post populi suffragium, post coëpiscoporum consensum въ письмѣ 59, 5 и Письма

38, 1; 39, 1). Участіе мірянъ въ выборѣ епископовъ есть фактъ особенной, кардинальной важности для пониманія мѣста и значенія мірянъ въ церковномъ управленіи. Въ немъ сосредоточиваются всѣ виды участія мірянъ въ церковной жизни, и благодаря ему осуществляется церковное самоуправленіе. Епископы, выбранные мірянами, являются не чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ нихъ, а ихъ представителями. Слѣдовательно, одни ли выбранные мірянами епископы будутъ рѣшать извѣстное дѣло или вмѣстѣ съ міранами,—это вопросъ не принципа, а практическаго удобства, но если епископы не выбраны мірянами, то они и не могутъ быть ихъ представителями, и рѣшеніе ихъ будетъ только тогда рѣшеніемъ всей Церкви, когда въ немъ фактически будутъ участвовать и міряне.

Высшая судебная власть усвояется Христомъ Церкви (Мѳ. 18, 17—18), т. е. собранію во имя Его (20). Практическое приложеніе этого принципа дано въ пятой главѣ перваго посланія къ коринѳянамъ. Наказаніе на блудника налагается «отъ многихъ» (2 Кор. 2, 6) и ко многимъ же апостолъ взываетъ о прощеніи: «кого вы въ чемъ прощаете, того и я» (10). Начало соборнаго суда здѣсь проявляется ясно. Пресвитеры здѣсь не отдѣляются отъ братьевъ и братья отъ пресвитеровъ. Руководители не опасаются быть руководимыми, и община не опасается дѣйствовать съ ними заодно. Тотъ же порядокъ раскрывается и въ писаніяхъ мужей апостольскихъ. Въ посланіи Климента къ коринѳянамъ (которое есть въ сущности посланіе отъ одной Церкви къ другой) говорится, что коринѳяне поступили неправильно, низложивъ своихъ пресвитеровъ безъ достаточныхъ причинъ. Изъ посланія Поликарпа къ филиппійцамъ (гл. 11) видно, что міряне имѣли право низложенія. Филиппійцы уже осудили заблуждающагося пресвитера Валента, и Поликарпъ, не подвергая сомнѣнію правомѣрность ихъ дѣйствій, только стремится умѣрить общее недовольство и склонить общину къ прощенію. Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что въ томъ и другомъ случаѣ міряне дѣйствовали отдѣльно отъ своей іерархіи. И Климентъ, и Поликарпъ пишутъ ко всей Церкви, какъ цѣлому, а не къ однимъ мірянамъ. Такимъ образомъ, мы не

видимъ въ апостольской Церкви и тѣни ограниченія начала соборности въ пользу одной іерархіи. Міряне участвуютъ и въ церковно-учредительныхъ, и въ выборныхъ, и въ судебныхъ соборахъ. Самое слово «соборъ» не имѣло тогда того ограниченнаго значенія, какое оно имѣетъ теперь. Въ «Апологіи» Тертулліана (писанной въ концѣ II вѣка) собраніями или соборами называются не только судебныя, распорядительныя и законодательныя собранія, но и богослужебныя. Подобно тому и въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ» (V, 26) слово «соборъ» (σύνοδος) употребляется для обозначенія молитвеннаго, богослужебнаго собранія. Слѣдовательно, въ сознаніи христіанъ того времени собранія законодательныя и судебныя не различались по составу лицъ отъ собраній богослужебныхъ и такъ же, какъ эти послѣднія, были всецерковными собраніями, т. е. состоящими изъ клира и мірянъ. И въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ то же слово «собраніе» (πλῆθος) примѣнено и къ апостольскому собору (15, 12) и къ собранію, выбиравшему семь діаконовъ (6, 5, ср. 15, 30). Намъ остается теперь рѣшить два вопроса: во-первыхъ, чѣмъ объясняются уклоненія отъ этой апостольской практики въ послѣдующее время, и допустимы ли такія уклоненія на будущемъ помѣстномъ соборѣ.

Разсматривая дальнѣйшую исторію участія мірянъ на соборахъ, мы видимъ, что, во-первыхъ, апостольская практика долгое время сохранялась во всей ея чистотѣ, во-вторыхъ, что позднѣйшее ограниченіе начала соборности въ отношеніи къ мірянамъ произошло лишь вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ и, въ-третьихъ, наконецъ, мы видимъ, что право участія мірянъ на соборахъ въ православной восточной Церкви никогда не отрицалось принципіально. Изъ свидѣтельствъ объ участіи мірянъ на соборахъ во времена послѣ-апостольскія приведемъ лишь нѣкоторыя. Игнатій Богоносецъ адресуетъ свои посланія ко всей общинѣ, ко всему собранію братьевъ, такъ же какъ и апостолъ Павелъ. О большинствѣ соборовъ до второй половины третьяго вѣка историческихъ извѣстій сохранилось мало. Въ церковной исторіи Евсевія приводятся выдержки изъ какого-то древняго памятника. Здѣсь (V, 16) въ повѣствованіи одного пресвитера разсказывается о частыхъ

соборахъ «вѣрующихъ» во многихъ мѣстахъ Азіи, которые, изслѣдовавъ ученіе Монтана, объявили его нечестивымъ. Это было во второмъ вѣкѣ. Здѣсь же (V, 19) приводится свидѣтельство Серапіона Антіохійскаго (конца II вѣка), что монтанизмъ осужденъ всѣмъ братствомъ въ мірѣ (πάσῃ τῇ ἐν κόσμῳ ἀδελφότητι). Пресвитеръ Оригенъ, не признаваемый въ этомъ санѣ епископомъ Димитріемъ, присутствуетъ на соборѣ противъ Берилла (VI, 33) и на соборѣ противъ другихъ неправославныхъ арабовъ (VI, 37). Св. Кипріанъ, епископъ карѳагенскій (III вѣка), дополняетъ формулу св. Игнатія: «ничто безъ епископа» словами «ничто безъ совѣта пресвитеровъ и безъ согласія мірянъ» (Письмо 14, 3).

На соборахъ, рѣшавшихъ вопросъ о падшихъ, присутствовали міряне, и не молча, а принимая дѣятельное участіе въ преніяхъ и вліяя на рѣшенія собора (Письма Кипріана 17, 3; 19, 2; 34, 4). Они могли становиться въ оппозицію и нерѣдко пользовались этимъ правомъ (Письмо 59, 15: obtinente plebe et contradicente). Тотъ же порядокъ существовалъ и въ римской Церкви. Въ письмѣ къ Кипріану римскій клиръ говоритъ: «все, что дѣлается, должно быть основано на согласіи епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ, исповѣдниковъ и твердыхъ въ вѣрѣ (stantes) мірянъ» (Письма 30, 5; 31, 6). Самъ Кипріанъ избранъ былъ епископомъ на соборѣ изъ пресвитеровъ и мірянъ, при чемъ мнѣніе послѣднихъ взяло верхъ. Кипріанъ выставляетъ какъ общее правило, чтобы пресвитеры не были посвящаемы безъ голоса мірянъ (38, 1). Изъ этого правила онъ дѣлаетъ исключенія (38, 1, 39, 1; 40), но тонъ защиты этихъ исключеній и причины ихъ свидѣтельствуютъ о строгости принципа и трудности его нарушенія. Еще до Кипріана появляются и признаки ограниченія участія мірянъ на соборахъ. Когда учениковъ Христовыхъ было всего около 120 человѣкъ (Дѣян. 1, 16), собраться имъ всѣмъ (1, 14) для выбора новаго апостола было легко, но уже на апостольскомъ соборѣ присутствуетъ только часть христіанъ, а остальные извѣщаются о рѣшеніи собора посланіемъ. При дальнѣйшемъ ростѣ Церкви собраніе мірянъ дѣлалось все болѣе и болѣе трудной задачей. Собрать мірянъ

одной епархіи было иногда возможно, но о собраніи мірянъ нѣсколькихъ епархій, и тѣмъ болѣе всѣхъ епархій, разсѣянныхъ по всему міру, нечего было и думать, особенно при тогдашнихъ способахъ сообщеній и сношеній. Единственнымъ выходомъ изъ этихъ затрудненій могло бы быть примѣненіе къ соборамъ представительнаго механизма, но въ общественной жизни того времени не было для этого необходимыхъ данныхъ. Никакихъ широкихъ общественныхъ организацій, кромѣ податныхъ, тогда не существовало; о правильномъ выборномъ представительствѣ не было и понятія. Отсюда на большихъ соборахъ представителями многихъ епархій могли быть и были только епископы, а изъ мірянъ присутствовали только міряне той епархіи, гдѣ былъ соборъ. Количественное отношеніе между іерархами и мірянами измѣнилось въ пользу первыхъ, а за нимъ должно было послѣдовать и уменьшеніе значенія мірянъ на соборахъ: міряне одной епархіи естественно не могли имѣть того авторитета, какъ епископы — представители многихъ епархій. Изъ роли участниковъ собора они низводятся къ роли «предстоящихъ мірянъ» (adstantes laici), почти простыхъ зрителей. Кипріанъ, такъ много заботившійся о дѣятельномъ участіи мірянъ въ церковномъ управленіи, былъ вынужденъ, однако, ограничить участіе мірянъ на соборахъ лишь мірянами твердыми въ вѣрѣ (stantes laici). Подъ его же предсѣдательствомъ былъ соборъ 256 года въ Карѳагенѣ, на которомъ было не менѣе 86 епископовъ изъ Африки, Нумидіи и Мавританіи. На этомъ соборѣ присутствовало очень много народа (maxima pars plebis), но, повидимому, только присутствовало, какъ присутствовалъ народъ и на соборахъ Эльвирскомъ 309 г. (adstantibus diaconibus et omni plebe, Mansi Conc. Coll. II, 5), на Римскомъ 465 (Mansi VII, 960) и Равеннскомъ 967 г. (Mansi XVIII, 501) и др.

Такимъ образомъ, путемъ естественнаго процесса, безъ всякаго нарушенія принципа, и тѣмъ болѣе безъ всякой намѣренной перемѣны, соборы братьевъ превратились въ соборы епископовъ по преимуществу, и Евсевій, говорившій о соборѣ «вѣрующихъ» противъ Монтана (Ц. И. V, 16), немного далѣе говоритъ уже о соборахъ епископовъ

по вопросу о времени празднованія пасхи (V, 23). Здѣсь не было нарушенія принципа, такъ какъ избранные мірянами епископы были на соборѣ выразителями не какихъ-нибудь особыхъ взглядовъ, а взглядовъ мірянъ своихъ епархій, которымъ они и давали отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ на соборѣ; ни о какой противоположности интересовъ мірянъ и интересовъ епископовъ не могло быть и рѣчи, и Кипріанъ тѣ же самые соборы по вопросу о падшихъ, на которыхъ такъ дѣятельно участвовали міряне, называетъ соборами епископовъ. Положеніе дѣла измѣнилось, когда христіанство стало государственной религіей. Вліяніе государственнаго устройства на церковное сказывалось еще до этого момента. Церковь при дѣленіи на мѣстныя общины, приходы и епархіи воспользовалась государственнымъ дѣленіемъ, и естественно, что идеи государственной власти были отчасти усвоены и мѣстными представителями Церкви. Для епископа, имѣющаго одну и ту же резиденцію и одну и ту же территорію съ государственнымъ чиновникомъ, являлся сильный соблазнъ посмотрѣть на себя, какъ на такого же начальника для христіанъ области, какимъ былъ этотъ чиновникъ для язычниковъ. Сказалось вліяніе государственнаго устройства и на взаимныхъ отношеніяхъ между епископами. Епископы главныхъ городовъ начинаютъ претендовать на преимущество сначала чести, а потомъ и власти, предъ епископами городовъ меньшихъ, подобно тому, какъ администраторы крупныхъ городовъ были начальниками администраторовъ городовъ меньшихъ. Выборы епископа становятся въ зависимость не отъ одной воли мірянъ и клира епархіи, а и отъ воли другихъ епископовъ и особенно отъ воли епископа главнаго города области. Іерархія мало-по-малу начинаетъ принимать характеръ особой отъ мірянъ организаціи, устроившейся по принципу не христіанскаго братства, а государственной администраціи.

Признаніе христіанства государственной религіей дало новый сильный толчокъ этому процессу. Въ Церковь вступила теперь масса новыхъ членовъ по мотивамъ, ничего общаго съ религіей не имѣющимъ, съ языческими римскими понятіями о зависимости религіозныхъ интересовъ отъ государственныхъ. Въ греко-римской имперіи въ это вре-

мя носителемъ всѣхъ государственныхъ, общественныхъ и даже религіозныхъ правъ народа былъ императоръ. Онъ былъ не только консулъ, преторъ и трибунъ, онъ не только замѣнялъ сенатъ и народныя комиціи, какъ верховный законодатель и верховный судья, но онъ былъ въ то же время и верховный жрецъ (pontifex maximus). Поэтому съ точки зрѣнія всей государственной администраціи, начиная отъ императора и кончая послѣднимъ чиновникомъ, императорская власть являлась самымъ законнымъ, авторитетнымъ и удобнымъ выраженіемъ участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. Притязаніямъ могущественной государственной организаціи Церковь могла противопоставить лишь свою слабую выборную организацію, значеніе которой, какъ мы видѣли, было подорвано еще ранѣе. Эта организація ослабѣла еще болѣе, когда въ христіанскія общины проникли полуязыческіе нравы. Плохо организованные выборы, производившіеся новыми христіанами полуязычниками, часто сопровождались безпорядками (о чемъ упоминаетъ, напримѣръ, Іоаннъ Златоустъ, «О священствѣ» III, 15), такъ что прекращеніе ихъ іерархіей и государствомъ имѣло внѣшній видъ моральной необходимости. Уже въ 372 году Лаодикійскій соборъ запретилъ участвовать толпѣ (ὄχλος) въ выборѣ не только епископовъ, но и пресвитеровъ; Юстиніанъ 137 новеллой 541 года ограничилъ это участіе только клириками и знатными горожанами, а Никифоръ Фока постановилъ, чтобы ни одинъ епископъ не былъ назначаемъ безъ императорскаго соизволенія. Церковная выборная организація была поглощена, такимъ образомъ, государственной, и императоръ пріобрѣлъ права мірянъ, а черезъ это и многія права клира.

Изъ подавляющей массы фактовъ, иллюстрирующихъ это явленіе, приведемъ лишь болѣе характерные. Дѣятельное участіе на соборахъ переходитъ теперь отъ мірянъ къ представителямъ императорской власти. Правда, міряне нескоро забываютъ свои права. Они присутствуютъ на первомъ вселенскомъ соборѣ (Mansi II, 1061) и, въ лицѣ монаховъ, на нѣкоторыхъ послѣдующихъ соборахъ, напр. на шестомъ и седьмомъ вселенскомъ, но роль ихъ сводится императорской властью къ роли простыхъ зрителей,

да и на самое участіе ихъ на соборахъ императорская власть смотритъ косо; напр., императрица Пульхерія издаетъ указъ, повелѣвающій «всячески изгонять изъ города (Никеи, гдѣ предполагалось созвать IV вселенскій соборъ) и изъ сосѣднихъ областей, какъ клириковъ, проживающихъ тамъ безъ нашего разрѣшенія, такъ и монаховъ и мірянъ. которыхъ никакая причина не призываетъ на соборъ» (Дѣян. Всел. Соб. Ш, 113—4). Наоборотъ, вліяніе императорской власти на соборахъ сказывается очень рельефно. Уже Константинъ Великій объявилъ себя епископомъ внѣшнихъ дѣлъ Церкви (Жизнь К. IV, 24), а Евсевій называетъ его «своего рода общимъ епископомъ» (Жизнь К. I, 44). На епископовъ онъ смотритъ лишь какъ на вдохновенныхъ свыше экспертовъ, которые должны помочь ему разобраться въ трудныхъ спорахъ. Онъ созываетъ арльскій и никейскій соборы, участвуетъ въ никейскихъ спорахъ, убѣждаетъ, порицаетъ или хвалитъ ораторовъ, чѣмъ вліяетъ на результатъ преній (Евсевій, Жизнь К. Ш, 13). Онъ считаетъ себя въ правѣ поступать такъ несмотря на то, что онъ еще не былъ христіаниномъ, такъ какъ не принялъ крещенія. И на остальныхъ вселенскихъ соборахъ и многихъ помѣстныхъ соборахъ присутствуютъ или сами императоры, или ихъ представители, и управляютъ ходомъ дѣлъ. Напр., императорскій чиновникъ Кандидіанъ на третьемъ вселенскомъ соборѣ прямо объявилъ, что все сдѣланное безъ его вѣдома будетъ недѣйствительнымъ.

Такое отношеніе императоровъ къ соборамъ было лишь частью присвоенныхъ имъ себѣ церковныхъ правъ. Императоры не только собирали церковные соборы, предсѣдательствовали на нихъ, утверждали ихъ рѣшенія, но и издавали церковные законы, принимали апелляціи, назначали и низлагали епископовъ, подавляли ереси, примиряли церковные споры и даже формулировали въ своихъ указахъ церковное вѣроученіе. Образовалось мнѣніе, что императоръ есть лицо смѣшанное (persona mixta), на-половину свѣтское и на-половину, или еще болѣе, духовное, такъ что Максиму Исповѣднику въ бесѣдѣ съ Констансомъ II приходится опровергать этотъ взглядъ. Императоры были «помазанники Господни» (χριστοὶ Κυρίου). Они

имѣли право когда угодно входить въ алтарь, воскурять ѳиміамъ и осѣнять трикиріемъ, какъ архіереи (Вальсамонъ на 69 пр. трульскаго собора 692 г.). Писаніямъ ихъ нерѣдко приписывалась боговдохновенность.

Съ точки зрѣнія Церкви императоръ имѣлъ столь же малое право представлять въ своемъ лицѣ всѣхъ мірянъ, какъ и всякій другой христіанинъ. Всякій христіанинъ можетъ быть представителемъ извѣстнаго прихода или епархіи только тогда, когда ему это будетъ поручено всей общиной, когда онъ будетъ избранъ ея представителемъ. Но конечно, ни о какомъ избраніи императора для представительства въ Церкви не было и рѣчи. Власть же императора не должна имѣть значенія тамъ, гдѣ есть мѣсто только для свободы и любви.

Протесты противъ такого положенія были. Не одни донатисты спрашивали: Quid est imperatori cum Ecclesia? Ту же мысль высказывали и лучшіе представители іерархіи. «Не вмѣшивайся въ церковныя дѣла, писалъ Осій Кордубскій Констанцію, и не давай намъ приказаній касательно ихъ; но поучайся въ нихъ отъ насъ» (Аѳанасій В. Противъ аріанъ 44). Елевзій Кизикскій и Сильванъ Тарсійскій говорили Констанцію, что «его дѣло назначить наказаніе, но дѣло ихъ, какъ епископовъ, судить о благочестіи и нечестіи» (Ѳеодоритъ II, 27). Тѣ же мысли высказываетъ и св. Аѳанасій Великій, жалуясь на дѣйствія свѣтскихъ чиновниковъ въ Тирѣ (Противъ аріанъ 8), и св. Амвросій, когда отъ него требовали сдать базилику аріанамъ (Письмо 20, 19), а позднѣе Іоаннъ Златоустъ, Исидоръ Пелусіотъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Ѳеодоръ Студитъ и многіе другіе монахи. Нѣкоторые императоры, напр. Валентиніанъ I, сами сознавали, что они не имѣютъ права вмѣшиваться въ дѣла Церкви. Но какъ ни многочисленны были протесты, они оставались безрезультатны, такъ какъ были случайны и разрозненны. Епископы были теперь ставленниками уже не мірянъ, а соепископовъ, митрополита и императора, связь между ними и мірянами епархіи ослабла, и они не были уже выразителями мнѣній своихъ епархій. Не чувствуя за собой единодушной нравственной поддержки своихъ пасомыхъ и часто обязанные императору своимъ возвышеніемъ, епископы не могли дать долж-

наго отпора посягательствамъ свѣтской власти. Вмѣшательство императоровъ имѣло видъ законности, какъ замѣна участія мірянъ на соборахъ, котораго не было фактически, но которое должно было быть, такъ какъ епископы, выбранные не мірянами, не могли быть представителями мірянъ и замѣнять ихъ. Поэтому-то епископы, возставая противъ вмѣшательства императорской власти, въ другихъ случаяхъ сами вызываютъ его.

И Амвросій, и Аѳанасій, возставая противъ содѣйствія, оказываемаго императорами аріанамъ, сами однако ищутъ помощи императоровъ противъ аріанъ. Августинъ проситъ Гонорія вмѣшаться въ дѣло донатистовъ, что тотъ и сдѣлалъ. Римскій соборъ 378 года постановилъ, чтобы папа апеллировалъ къ императору Граціану. 11—12 правила собора антіохійскаго 341 года и 7—9 правила собора сардикійскаго запрещаютъ апеллировать къ императору безъ согласія митрополита и другихъ епископовъ провинціи; слѣдовательно, обычай вмѣшивать свѣтскую власть въ церковныя дѣла былъ очень распространенъ. Такимъ образомъ, епископы протестуютъ не противъ самой системы, ставящей правильное теченіе церковной жизни въ зависимость отъ личныхъ качествъ и временнаго настроенія императора, а протестуютъ лишь противъ отдѣльныхъ проявленій этой системы, признавая другія ея проявленія. Естественно, что такіе протесты успѣха имѣть не могли. Впрочемъ, въ концѣ концовъ права мірянъ, помимо воли епископовъ и императора, принимались во вниманіе, хотя послѣ продолжительныхъ и тяжелыхъ смутъ, потрясавшихъ церковную жизнь. Послѣдней инстанціей въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ было не согласное съ волею императора постановленіе отцевъ собора, а голосъ народа. Этотъ народный голосъ не разъ отвергалъ постановленія соборовъ, какъ неправославныя, не обращая вниманія на то, какъ много епископовъ присутствовало на соборѣ и насколько единодушно и согласно съ волею императора они дѣйствовали (соборы римини́йскій 359 г., разбойничій 449, иконоборческіе 754 и 833, флорентійскій 1439).

Право участія мірянъ въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ на востокѣ признавалось, такимъ образомъ, не только, юридически, въ видѣ участія императорской власти,

но и фактически — въ подчиненіи соборовъ голосу народа.

Такой же характеръ въ общихъ чертахъ имѣла исторія участія мірянъ на соборахъ и на западѣ, съ тѣмъ различіемъ, что тамъ императоровъ замѣняли папы.

Новая эра въ исторіи участія мірянъ на соборахъ начинается съ выступленіемъ на арену исторіи новыхъ народовъ—германцевъ и славянъ, у которыхъ развитая общественность не была подавлена слабою государственностью и которые поэтому представляли болѣе благопріятную почву для развитія сѣмени христіанской соборности, чѣмъ народы романскіе. Еще Тацитъ говорилъ, что у германцевъ общественныя дѣла рѣшаются собраніемъ свободныхъ гражданъ. На этихъ-то народныхъ собраніяхъ различныхъ германскихъ племенъ былъ рѣшенъ и вопросъ о переходѣ изъ язычества въ христіанство. На собраніяхъ же новыхъ христіанскихъ народовъ рѣшаются потомъ и важнѣйшіе религіозные вопросы, и клиръ участвуетъ въ этихъ собраніяхъ наряду съ мірянами. Такимъ путемъ возникла система смѣшанныхъ церковно-гражданскихъ соборовъ, вытѣснившая—напр. во франкской монархіи—чисто духовные соборы. Такіе же смѣшанные соборы существовали въ Испаніи и въ Англіи. Особенно выдѣляется роль мірянъ на слѣдующихъ соборахъ: въ Агаунѣ 515 года, въ Таррагонѣ 516 г., въ Епаонѣ 517, въ Оранжѣ 529, на третьемъ, четвертомъ и семнадцатомъ толедскихъ соборахъ, на соборѣ въ Лифтинѣ 743 г., въ Суассонѣ 744 г., въ Вилла Дуріа 779 г. и въ Арлѣ 813 г. Парижскій соборъ 614 года постановилъ, чтобы епископа выбиралъ клиръ и народъ. То же самое постановили четвертый толедскій соборъ 833 года въ Испаніи и Витредъ, король кентскій, въ 696 году въ Англіи.

Чѣмъ болѣе подчинялись новые народы вліянію римской культуры, тѣмъ ниже падала роль народа въ государственной жизни. Вмѣстѣ съ политическими захватываются и религіозныя права народа отчасти свѣтскою властью, отчасти папскою. Уже на двѣнадцатомъ толедскомъ соборѣ 681 года упоминается о правѣ короля назначать епископовъ; письма Алкуина отъ 796 года показываютъ, что древняя свобода избранія епископовъ исчезла

и въ Англіи, и право это перешло къ королямъ. Во Франконіи народныя собранія исчезли при каролингахъ. Но начало общественности лишь временно было подавлено римскою государственностью, съ помощью церковнаго авторитета, и какъ скоро прежній церковный авторитетъ былъ отвергнутъ реформаціей, народъ постепенно возвращаетъ себѣ свои права и политическія въ видѣ представительныхъ учрежденій, и религіозныя—въ видѣ широкаго участія мірянъ въ церковномъ управленіи въ протестантскихъ странахъ. Тамъ, гдѣ это участіе есть—въ протестантскихъ странахъ,—интересы религіи близки обществу, тамъ же, гдѣ Церковь осталась вѣрной римскому принципу и не дала мірянамъ ихъ правъ, напр. въ Италіи и Франціи, Церковь осталась внѣ общественнаго движенія и вызвала враждебное отношеніе общества къ религіи. Среднее мѣсто занимаетъ англиканская церковь. И послѣ реформаціи здѣсь осталась сильная епископская власть, подавляющая, хотя и не исключающая, участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. Эта система уже давно подвергалась основательнымъ нападкамъ, а съ начала этого вѣка самой іерархіей возбужденъ вопросъ объ учрежденіи общаго представительнаго собранія изъ мірянъ и клира, и осуществленіе этого проекта есть дѣло ближайшаго будущаго.

Вопросъ объ участіи мірянъ на соборахъ въ русской Церкви имѣетъ въ настоящее время особенную, исключительную важность. Мы видѣли, что широко практиковавшееся участіе мірянъ на соборахъ никогда не отрицалось Церковью принципіально и въ послѣдующее время. Замѣна мірянъ императорскою властью и въ Византіи, и у насъ объясняемая пассивностью народной массы и отсутствіемъ представительнаго начала и тамъ, и здѣсь, была нежелательнымъ явленіемъ, такъ какъ, помимо противорѣчія духу христіанства, замѣна эта правильное теченіе церковной жизни ставила въ зависимость отъ личности и настроенія императора или царя и его чиновниковъ, и только корректирующій народный голосъ предотвращалъ часто вредныя послѣдствія этой замѣны, хотя и дорогою цѣной продолжительныхъ церковныхъ смутъ. Къ счастію, въ русской Церкви вопросъ о соборѣ поднятъ

во время необычайнаго подъема общественнаго движенія и отчасти вслѣдствіе его. Народная масса, съ которой приходится имѣть теперь дѣло Церкви, далеко не та, что была въ Византіи или на Руси всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

Мѣсто безграмотной инертной массы крестьянъ, мѣщанъ и купечества заняло поколѣніе лицъ грамотныхъ, размышляющихъ, дѣйствующихъ не только независимо отъ воли родительской и начальственной, но часто вопреки силѣ народныхъ обычаевъ и традицій, а нерѣдко и вопреки основамъ вѣры, нравственности и права. Если такія лица не уступаютъ своихъ политическихъ правъ, то тѣмъ болѣе не уступятъ болѣе интимныхъ, болѣе безспорныхъ правъ религіозныхъ и скорѣи предпочтутъ отказаться совсѣмъ отъ Церкви. «Россія переросла форму не только государственнаго», какъ говоритъ докладъ гр. Витте, но и церковнаго строя, и съ этимъ явленіемъ Церкви необходимо считаться. Долгъ Церкви «понимать знаменія времени» и «быть всѣмъ вся, чтобы всячески спасти нѣкоторыхъ». Не исполнивши этого, Церковь потеряетъ уваженіе общества и даже возбудитъ враждебное отношеніе къ себѣ. Примѣръ—католическая церковь во Франціи. Впрочемъ, случаи безразличнаго и прямо враждебнаго отношенія къ Церкви общества настолько участились у насъ въ послѣднее время, что для отысканія ихъ незачѣмъ ѣздить за границу. Тѣхъ затрудненій, которыя прежде мѣшали осуществить начало соборности во всей его полнотѣ, теперь нѣтъ. Общество въ этомъ отношеніи идетъ навстрѣчу Церкви. Параллельно и въ связи съ развитіемъ личности, наше время характеризуется сильнымъ стремленіемъ къ общественности, къ объединенію отдѣльныхъ лицъ въ общества и союзы, и будетъ весьма печально, если Церковь, это братство по преимуществу, это общество, все устройство котораго и всѣ его дѣйствія должны по каноническимъ нормамъ быть проникнуты общественнымъ характеромъ, попрежнему будетъ не давать въ своей организаціи мѣста общественному элементу, а останется со старымъ строемъ, образовавшимся по подражанію устарѣлымъ формамъ государственнаго управленія греко-римской имперіи. «Церковь, по опредѣленію

одного изъ ея отцовъ—св. Амвросія медіоланскаго.—есть общее право всѣхъ: сообща она молится; сообща она работаетъ; сообща испытуется». Развитіе личности и общественности непремѣнно должно повести, да уже отчасти и повело, къ созданію представительныхъ учрежденій. А образованіе и развитіе представительнаго механизма освобождаетъ Церковь отъ тѣхъ затрудненій, которыя заставили древнюю Церковь отказаться отъ прежняго участія мірянъ на соборахъ. Обойтись безъ мірянъ можно было бы лишь тогда, если бы епископы и священники были у насъ выборные, и тогда они сами явились бы представителями мірянъ. Но такъ какъ у насъ нѣтъ ни того, ни другого, то собирать теперь чисто іерархическій соборъ значитъ незаконно лишать мірянъ ихъ правъ. Глубоко справедлива мысль, высказанная группою петербургскихъ священниковъ въ статьѣ: «Церковное вѣдомство и церковный соборъ» («Русь» 13 октября 1905 г.). «Епископъ, говорятъ они, въ чемъ-либо и для чего-либо отрѣшаемый отъ своей паствы, призванный къ временному разъединенію съ ней, дѣйствуетъ и мыслитъ уже не какъ епископъ, а какъ простой человѣкъ, какъ рядовой вѣрующій, какъ ставленникъ той или другой внѣшней власти. Не можетъ быть стадо безъ пастыря и не можетъ быть даже мыслимо въ отдѣльности отъ него; но и пастырь, поставляемый внѣ стада, обязательно отъ него отрѣшенный, не дѣйствуетъ уже, какъ пастырь, и овцы уже не слушаютъ и не могутъ слушать голоса его, ибо онъ не есть уже пастырь». «Церковь есть стадо, присоединенное къ своему епископу». — говоритъ св. Кипріанъ карѳагенскій. Ясно, что внѣ этого соединенія стадо не есть стадо и епископъ не есть епископъ, ибо въ разъединеніи ни тотъ, ни другой не представляютъ Церкви». Между законодательнымъ соборомъ и богослужебнымъ собраніемъ съ церковной точки зрѣнія никакой разницы нѣтъ, и составлять соборъ изъ однихъ епископовъ также противно духу христіанства, какъ и богослуженіе безъ народа. Архіерейскій соборъ будетъ лишь подтвержденіемъ прежняго порядка, а не началомъ новаго. Этотъ порядокъ, характеризуемый разобщеннымъ и исключительнымъ дѣйствіемъ іерархіи, руководимой свѣтской властью, съ одной стороны, и нас-

сивнымъ дреманіемъ мірянъ. съ другой, былъ незаконенъ и нежелателенъ всегда, но онъ былъ возможенъ и терпимъ прежде, когда міряне были пассивны не въ церковномъ только, а и въ другихъ отношеніяхъ. и когда воля самодержавной власти считалась выразительницей воли народа. Теперь же такой порядокъ не только нежелателенъ, но и невозможенъ. Если уже актомъ 17 октября самою самодержавной властью признано, что она не можетъ служить выраженіемъ воли народа въ дѣлахъ гражданскихъ, то тѣмъ болѣе она не можетъ служить имъ въ дѣлахъ религіозныхъ. Церковь стоитъ теперь предъ слишкомъ серьезными задачами, чтобы раздѣлять свои силы и чрезъ это обезсиливать себя: Церковь не можетъ болѣе терпѣть и какъ бы поощрять апатичность общества къ церковнымъ интересамъ, игнорированіе имъ своихъ религіозныхъ правъ и обязанностей и привычку сваливать всю заботу о Церкви на іерархію.

Враждебныя Церкви силы, обладая удивительною организаціей, ежечасно поражаютъ насъ успѣшностью своей борьбы съ Церковью, и члены Церкви, раздѣленные и другъ съ другомъ, и съ іерархіей, безучастно относятся къ этой борьбѣ, возлагая это неносильное бремя на плечи отдѣльныхъ борцовъ. Враждебнымъ организаціямъ Церковь должна противопоставить свою единую и потому могущественную организацію. Первымъ шагомъ къ созданію такой организаціи долженъ быть помѣстный соборъ, состоящій изъ клира и мірянъ, а первымъ и главнымъ вопросомъ подлежащимъ его рѣшенію, долженъ быть вопросъ объ установленіи такой организаціи во всѣхъ приходахъ и во всѣхъ епархіяхъ русской Церкви.

